

ЛЕТО НА ЮГЕ

Н. Фотьев

Стоит парное и жаркое лето. Не помню другого такого. С утра — не шелохнет. Ясно. В тучной, непроницаемой листве садовых зарослей, уличных насаждений и степных перелесков слышатся звуки бурной птичьей деятельности. К обеду она стихает: становится слишком жарко. Зато пробуждается ветер. Сначала он бродит и кружит как попало, треплет ветки, полощет траву, вздымает и закручивает на дорогах легкие облачка пыли. Потом крепнет, выбирает направление и торопливо сгоняет тучи в один гурт. И вот уже — туча. Она густеет до зловещего чернильного окраса, опускается парными белесыми завитушками, вздрагивает, озаряется, вскипает, весело гремит — и... льет, как из ведра. К вечеру опять тихо, и в небе сияют большие чистые звезды. Так каждый день.

Словом, парит, льет и жарит. И травы дурят, растут, как на опаре. Всякая плеть, всякая ботва, всякая листва тучней и зеленей обычного. Нынче у нас как в тропиках.

Идет сенокос, идет лето. И, как всегда в эту пору, над лугами и суходолами стелется чуть заметная лимонно-сиреневая дымка, которая, кажется, исходит от самих метелок и соцветий. Может, это травяная пыльца, разносимая ветерком, — травы в самой поре, цветут, осеменяются, — может, просто травы дышат.

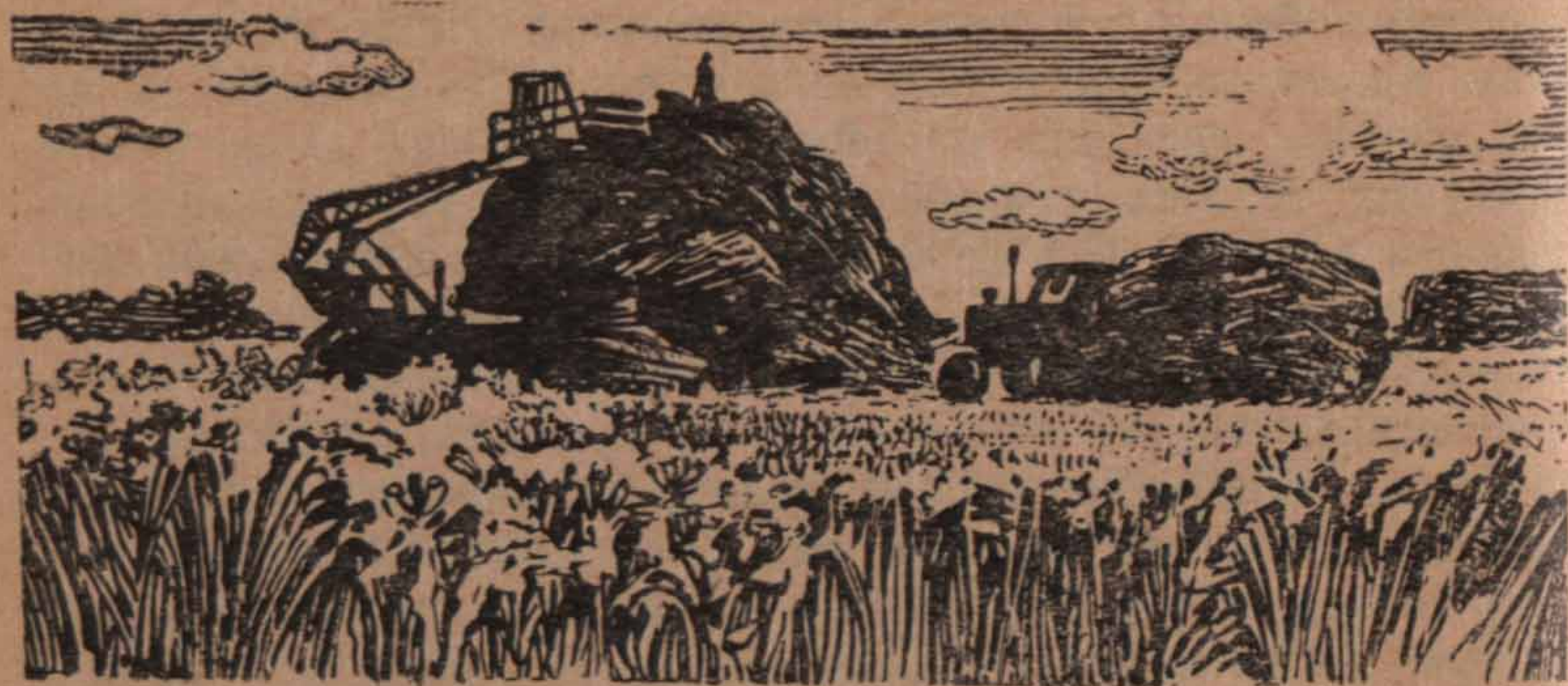
Дорога привела меня в луга. Здесь еще тоже — косить да косить! Колышутся вейники, мятлики, лисохвосты и прочее разнотравье. В отдалении на отаве³⁰ виднеются какие-то птицы. Наверно, это цапли. Однажды вот так же я был на лугах. Шел сенокос. Косилки стрекотали вдали, а сзади вырастали стога и скирды. А на тех местах, где еще раньше было убрано сено, после коротких теплых дождей обозначилась веселая нежно-зеленая отава и выпарилось в ней множество кузнечиков. Вот сюда-то со всей округи и слетелись цапли с молодыми выводками. Обычно очень осторожные, они держались теперь рядом со стадом телят, не боясь ни пастуха с лошадей, ни его будки, ни балагана сенокосчиков, где дымил кашеварный очаг и постоянно виднелись люди. Наверно, цапли поверили, что их тут не тронут: люди заняты своим делом. А пищи тут вволю,

и для взлета молодняку — чистые с маленькой травкой луга, не запутаешься крыльями, как это бывает в высокой траве. Полигон своего рода, лагерь. Цапли словно бы занимались по своей программе, преподавая молодым уроки. Они то взлетали и кружились над лугом, то опускались, пританцовывали, разбегались и вдруг замирали на месте. Молодняк был помельче и пером нежнее. Но все птицы были празднично-чистыми, и хоть цапель называют «серые», здесь, на нежно-зеленой отаве, в погожий солнечный день они казались почти фарфорово-белыми и веселыми чрезвычайно. Право же, нетрудно было понять, как радовались пернатые родители и как ликовали вставшие на крыло птенцы.

И вспомнилась тут моя мать — молодая и веселая. Она лечила мои босые ноги, чтобы скорее зажили цыпки и чтобы бегать мне без заботушки по такой же вот травке-муравке. Я стою в траве. Она достигает мне до плеч и выше, она колышется волнами, дышит, шумливает. Трава, дикое растение... А в сущности — великое благо. Тучные и медлительные рогатые стада, резвые табуны лошадей, гусиные и утиные косяки — все из травы. Трава становится силой и живой красотой. Все, что есть на нашем столе, — из травы. Практически запасы трав неисчерпаемы. И не слишком ли мало умеем мы брать от того, что само растет?

Витают пряные луговые запахи. Пахнуло прогретым болотцем, скошенной травой, медвяным болиголовником, обвалившимся дернистым бережком. Запахи теснят деловые мысли. Из области практической мысль уносится в далекое прошлое, сказочное. Когда-то по

этим лугам бродили бесчисленные стада неведомых нам животных.

Колышатся, дышат травы и навевают то мирную дрему и тайную грусть, то тихую радость и древнее желание быть вольным, как ветер. И опять я испытываю то жутковатое очарование, которое так часто возникало в детстве вслед за наивным воображением. Не зря же чудится мне, что над древними следами, над прахом минувшего, вслед за травами вздымается то, что прошло когда-то по здешней земле.

ЛЕТО В РАЗГАРЕ

По Л. Баранчеву

Очень жарко в первой половине июля. Раскаленный воздух струйкой дрожит на прозрачном горизонте. Жар и сухость вызывают истому, все живое стремится укрыться в тени. А потянет прохладой с северо-запада — снова все оживляется в притихшей природе. Во второй половине июля и августе голубое небо часто закрывается тяжелыми свинцовыми облаками. В это время много дождей, поэтому нередко вторая половина лета бывает чрезвычайно влажной. Наиболее интенсивные дожди дают в среднем за каждый ненастный день от 6 до 8 мм воды, а при сильных ливнях — до 40—55 мм в сутки.

Лето делится на периоды — с конца цветения яблонь до цветения липы и от начала цветения липы до первого заморозка на земле.

Первая половина лета — время праздничного цветения многих растений. Зеленый ковер пойменной растительности украшен маками, ирисами, ломоносами, купальницами. Пышными пятнами выделяются на зеленой равнине желтый красоднев, оранжевые и красные лилии — их у нас называют саранками. Склоны сопки покрыты белоцветными пионами. В лесу, на опушках и марях цветут клюква, голубика, земляника, ландыш. Просторны и полны своеобразного обаяния амурские поля. Они безбрежны и волнисты, как море, особенно когда наливаются пшеница. Пробежит легкий ветерок — и зашумят золотистыми колосьями пшеница, ячмень, овес, а в отдалении недвижно стоит темно-зеленая кукуруза.